

М.А. Пилюгина
РИТОРИКА И ТЕОРИЯ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Современная теория интерпретации помимо проблем понимания текста занимается также развитием правил интерпретации, направленных на совершенствование способов правильного рассуждения. В статье рассматривается формирование искусства риторики в его соотношении со способностью понимания, в частности, с теорией интерпретацией. Основой для исследования служит историко-философский материал.

The modern theory of interpretation besides problems of understanding of the text is engaged also in development of rules of the interpretation directed on perfection of ways of a correct reasoning. This paper addresses the formation of art of rhetoric in its relation with ability of understanding, in particular, with the theory of interpretation. As a basis for research the historico-philosophical material serves.

Ключевые слова: *герменевтика, теория интерпретации, риторика, понимание, убедительность.*

Keywords: *hermeneutics, theory of interpretation, rhetoric, comprehension, persuasiveness.*

Одной из задач современной теории интерпретации является поиск и систематизация правил интерпретации, нацеленных на совершенствование способов правильного рассуждения. Философской дисциплиной, в центре внимания которой оказываются рассуждения, является логика, которая непосредственно занимается выяснением класса рассуждений с целью их последующего логического анализа. Наряду с логикой, изучение условий так называемого правильного рассуждения, построение моделей рассуждения составляют проблемное поле теории аргументации.

В настоящее время альтернативные модели рассуждения включают в себя традиционно, наряду с логикой и теорией аргументацией, такие направления, как «новая риторика» и когнитивные дисциплины. Разнообразие моделей рассуждения, построенных на основании использования результатов этих дисциплин, позволяет сделать вывод о перспективности как самой деятельности в области «моделирования» рациональных путей рассуждения, так и о намечающихся новых аспектах исследования такой важной сферы философии, каковой является сегодня «теория аргументации». Такую уверенность нам дает история становления «теории аргументации» с ее «точками роста» (риторика, диалектика, логика). «При этом практически ориентированная аргументативная деятельность, - как пишет Е.Н. Шульга, - (т.е. деятельность, которую принято называть «риторической», или просто «риторикой») живо обсуждается современными исследователями как на уровне обеспечения полнотой концептуальности, так и на уровне описания действия ее когнитивно-риторических механизмов» [6, 139].

Таким образом, диапазон моделей рассуждения может быть расширен за счет включения когнитивных аспектов рассмотрения, которые позволяют вывести проблематику аргументации на фундаментальный уровень исследования. К таковому, в частности, относится теория интерпретации, проблематика которой зарождается в недрах философской герменевтики, одной из актуальных проблем которой является исследование фундаментальных вопросов процесса человеческого понимания. Понимание и интерпретация, таким образом, оказываются взаимосвязанными процессами, в исследовании которых участвуют когнитологи, психологи, феноменологи, эволюционные эпистемологии с одной стороны (т.е. те, кто изучается факторы понимания на глубинном, фундаментальном уровне) и

философы, исследующие методологические аспекты истолкования и интерпретации – с другой. Кроме того, философская герменевтика сегодня формулирует такие важные и актуальные вопросы, как соотношение понимания и интерпретации, в русле которых осуществляется рассмотрение аргументированной техники и методологии интерпретации. Тем самым практика «наилучшего понимания», сопряженная с поиском методов понимания и интерпретации, сближает проблематику философской герменевтики с моделями рассуждения, при условии, конечно, что философский контекст окажется превалирующим в такого рода рассуждениях.

Выключение аргументативного аспекта в теорию и практику интерпретации позволяет использовать уже имеющиеся теоретические, философско-методологические и практические результаты в теорию интерпретации, в частности, опираться на известные принципы аргументативного рассуждения при решении задачи обоснования теории интерпретации. Такое сближение проблемного поля исследований, пересечение проблематики облегчает решение задач глубоко методологических. Выясняется при этом, что не только, собственно, теория аргументации в ее сегодняшнем виде (когда ее теоретический аппарат еще только формируется) дает нам образцы «теоретизирования» в этой сфере, но и те смежные дисциплины, к которым исторически восходит практика аргументации, оказываются близкими для теории интерпретации в своих инновационных поисках. Все это, в конечном итоге, позволяет наметить перспективы, касающиеся вопросов обоснования теории, и при этом попытаться уяснить некоторые инварианты философско-методологического плана.

Одной из важных методологических задач обоснования теории интерпретации является выяснение её

теоретических оснований. Для этой цели немаловажное значение будет иметь обращение к историко-философскому материалу исследований с тем, чтобы выявить предпосылки и истоки теории интерпретации. Такой поиск невозможно осуществить без использования определенной базы исследования. В нашем случае поиск философских оснований теории интерпретации подразумевает использование конкретных философских текстов, обращаясь к которым, анализируя которые мы можем выявить так называемые точки роста философской теории интерпретации. Ключевым, исходным моментом такого поиска является осмысление традиционных, уже известных философских понятий, которые используются современными философами достаточно широко и в самых разных контекстах. К таковым относятся, прежде всего, такие философские понятия, как «риторика», «диалектика» и др. Именно о них мы будем рассуждать и на них опираться в связи с реконструкцией первоначального смысла этих понятий, вкладываемых философами классической Греции.

Следует подчеркнуть, что выявление первоначального смысла тех или иных философских понятий – это задача герменевтического анализа. Герменевтический подход, в свою очередь, предполагает выявление смысла того или иного философского понятия. Но это просто смысл, на который достаточно только указать как на смысл понятия, общепринятого сегодня. Иногда необходимо выявить тот первоначальный, изначальный смысл понятия, а это подразумевает работу по реконструкции такого первоначального смысла.

Реконструкция обычно начинается с определения тех концептуальных границ, которые, как правило, задают исследуемые смыслы понятий. Их понятийный диапазон опосредует и те концептуальные задачи, которые ставит исследователь. Другими словами, по-

нятийность рассматриваемого текста (проблемы, задачи и т.д.) опосредует выбор средств анализа текста. И такая герменевтическая работа обычно начинается с выборки понятий основополагающих, главных для данного текста, и их дефиницию.

Тем не менее, часто реконструкция смысла всего текста или отдельных его понятий предполагает выделение (формулирование на основе контекста) дефиниций, но, кроме того, реконструкция связана с задачей уяснение смысла этих ключевых понятий, в частности, на основании выяснения их участия в рассматриваемой проблеме – и этот круг проблем может иметь самое широкое значение. Кроме того, такие основополагающие, ключевые понятия могут рассматриваться в сугубо философском значении. В нашем конкретном случае, когда мы задались целью выяснить первоначальный смысл и исходное понимание роли риторики и диалектики в теории интерпретации, важно обратить внимание на следующее обстоятельство. Прежде всего на то, что и риторика, и диалектика оказываются ключевыми и при этом многосложными, поскольку уже история древнегреческой философской мысли связывала их с вопросами этики, использовала в рассуждениях о благе, о сущности вещей и т.д., Кроме того, и риторика, и диалектика получали свой особый смысл и значение также в решении проблем социально-политического характера.

Следует отметить, что обращение к «истории вопроса» способствует более глубокому проникновению в проблематику, поэтому я начну рассмотрение формирования теории интерпретации, а также коснусь некоторых аспектов понимания, обращаясь к античной герменевтике.

Известно, что наше понимание других людей зависит от умения правильно говорить и точно излагать свои мысли. Умение правильно составить речь зависит

от владения искусством красноречия. Изначально риторика – ораторское искусство возникло в Греции. Это было искусство, которое служило задаче обеспечения функционирования судебных и политических процедур (суд, совещания, выборы и т.п.). В этот период своего становления риторика была еще не столько теорией, сколько специфическим родом искусной деятельности по обучению речевому мастерству, и уже с самого момента своего зарождения и дальнейшего развития носила практический характер. Такое отношение к риторике распространилось в связи с деятельностью софистов и устремленностью представителей этого философского направления к сугубо практическим целям – научить за плату ораторскому мастерству. Поэтому для софистов главное значение имели не знание и не истина, как это было, например, у Сократа и его последователей, а получение конкретного результата – победа в споре, в диспуте или в суде – любой ценой, даже в ущерб истине.

Как искусство красноречия, риторика появилась в Сицилии и уже к V в. н.э. Тисий из Сиракуз определил её как «демиург убеждения», указав, тем самым, на соотношение убеждения и понимания. Он установил технику разделения речи на части и заложил основы античной риторики, о чем свидетельствует, например, Платон в известном диалоге «Федр» [1, 266 de]. Также стоит отметить диалоги Платона «Менексен», «Кратил», «Горгий», в которых дается оценка деятельности риториков и софистов и определяется место искусства красноречия.

К слову замечу, что Горгий был учеником Тисия, продолжателем его традиции, и также упоминался в указанном диалоге. Платон подчеркивает то обстоятельство, что именно Горгий был противоречивой фигурой и при этом искусным ритором. Благодаря своему «искусству» владения речью, он открыл, что веро-

ятное важнее истинного, и умел в своих речах малое представить великим, а великое малым, выдать старое за новое и новое признать старым, об одном и том же предмете высказывать противоречивые мнения [1, 267 b]. Умение красиво говорить (красивую речь) он противопоставлял утверждению истины (правильной речи), учил о зависимости речи от предмета, от субъективных свойств оратора и аудитории. Эти первые опыты систематизации дают нам образцы тех первоначальных моделей рассуждения, которые я попытаюсь реконструировать.

Такая задача представляется актуальной в силу взаимосвязи искусства красноречия с искусством истолкования, поскольку именно умение правильно и красиво говорить обеспечивает правильное понимание, а значит, говоря современным языком, способствует успешной коммуникации людей. Речь строится из трех компонентов: самого оратора, обсуждаемого предмета, и аудитории, которая и есть конечная цель любого выступления.

Правильная, корректная постановка проблемы обеспечивает верное направление мысли и её развитие в целостную идею или даже в согласованную теорию. На этот аспект обратили внимание ещё в древности, когда философы неоднократно подчеркивали мысль о том, что и красноречие, и истолкование имеют непосредственное отношение к уровню знаний людей – уровню их образования и интеллекта – к когнитивному уровню и менталитету людей. Тем более это требование было существенным для тех, кто непосредственно занимался такого рода деятельностью (риторы, ораторы, софисты, воспитатели). Кроме того, само понимание, если выделить его в качестве объекта изучения, то в данном контексте, проблему понимания можно связать с проблемами красноречия и представить ее как соотношение «оратор – аудитория».

При такой постановке вопроса становится очевидной важность участия таких составляющих, обеспечивающих правильное понимание со стороны аудитории, как подготовленность аудитории, восприимчивость ее к обсуждаемой теме, также, впрочем, как и умение оратора пользоваться известной ему техникой убеждения, наряду с компетентностью в обсуждаемом вопросе и использованием других (вербальных и невербальных) форм и способов воздействия на аудиторию.

Подобная зависимость (и установка на *понимание*) может рассматриваться как своего рода творческая деятельность, опирающаяся на такие виды знания, как риторика, герменевтика и философия. Результатом соприкосновения этих видов знания – знания и понимания – оказывается возникновение проблемы поиска совокупности действенных, усиливающих понимание, методов. Такая установка исследования позволяет сделать вывод о том, что проблема понимания и истолкования формировались одновременно. Конечно, мы должны учитывать, что искусство речи, т.е. риторика, пошло по самостоятельному пути развития. Тем не менее, общие эпистемологические корни этих дисциплин – герменевтики и риторики – очевидны, и обе эти дисциплины объединяет овладение пониманием.

Следуя исторической правде, следует признать, что риторика является той дисциплиной, обращение к истории формирования которой, дает нам образцы системного знания в области языка и живого слова. Глубинным содержанием искусства владения живым словом является познание природы мысли. Эта идея находит подтверждение у Платона в диалоге «Федр», посвященному искусству красноречия. Платон одним из первых обращает внимание на то, что искусство красноречия непосредственно связано с умением правильно излагать свои мысли, и эта тема используется

Платоном в качестве основания для рассказа о методе *правильного* составления речей. Этот метод состоит в «способности охватывать всё общим взглядом, возводить к единой идее то, что повсюду разрозненно» и в «способности разделять все виды на естественные составные части» [1, 265d - 266a]. Это умение, как раз, и есть *диалектика* [1, 266b - c].

Принцип диалектики в его буквальном смысле, именно так, как понимали его древнегреческие мыслители, лег затем в практику истолкования и интерпретации, и в дальнейшем, составил основу, так называемого, герменевтического круга, одного из важнейших принципов философской герменевтики. Такие параллели для нас очень важны. Они позволяют выявить эпистемологические основания герменевтических методов и одновременно этим, они позволяют показать истоки зарождения методологии интерпретации.

Методология интерпретации – это новейшее направление в философской герменевтике. Тем не менее, уже сегодня мы можем обнаружить определенные теоретические связи, выявить истоки зарождения такой методологии и классифицировать ее подходы и принципы. Современные представления о технике красноречия связаны с попыткой классифицировать принципы, способствующие наилучшему пониманию. Так, сопоставляя принципы древнегреческой риторики и рассматривая их в качестве определенных методологических принципов процесса познания и понимания, Е.Н. Шульга выдвигает их в виде последовательности следующих положений в качестве инвариантов рассуждения и одновременно, в качестве методологии научного исследования:

1. Необходимо начинать с определения предмета, при этом предмет должен соответствовать реальной действительности.
2. Необходимо определять основную проблему и отличать её от второстепенных проблем, осознавая возможность появления множественности позиций и точек зрения, которые могут увести от сути наших рассуждений.
3. Во избежание такого рода ситуаций, необходимо определить все частности, давая аудитории тем самым понять, что оратору (докладчику, исследователю, ученому) известны предполагаемые, сопутствующие основной теме, проблемы.

Таким образом, использование диалектики в её буквальном предназначении есть ни что иное, как способность разделять все виды предполагаемых проблем на основные и второстепенные. (У Платона это «способность разделять все виды на естественные составные части», «охватывать всё общим взглядом и возводить к единой идее то, что разрозненно», т.е. то, что имеет отношение к успешности и правильному построению речи).

Однако в процессе развития герменевтики, не только, собственно, понимание является задачей интерпретации, но в деле интерпретации на первое место выходит проблема постижения смысла интерпретируемого материала (например, смысла всего контекста, иногда, к слову говоря, скрытого). Тем самым понимание и смысл становятся основными направлениями исследования в области философской герменевтики. Эта проблематика, как я пыталась показать, восходит к риторике в ее исконном значении, которое не потеряло свою актуальность сегодня, когда необходима корректировка задач и проблем, схожесть которых

обнаруживает обращение и к риторике, и к диалектике, и к философской герменевтике, и, наконец, к теории интерпретации.

В своем исследовательском поиске оснований теории интерпретации я использую также труды Аристотеля, поскольку, именно у него обнаруживается наиболее отчетливо выраженная модель рассуждения.

Риторика, по Аристотелю, соответствует диалектике, и обе они касаются всех сфер человеческой жизни, изучают вещи, смыслы и выявляют всеобщие смыслы. В этом последнем случае мы можем заключить, что риторика и философия имеют общие когнитивные корни: мышление, способность рассуждения и истолковывать. Не случайно, один из интереснейших трудов Аристотеля в этой области – «Об истолковании»!

Следует отметить тот факт, что Аристотель придавал большое значение искусству овладения речи. Он связывал искусство речи с ясностью мышления. По его мнению, риторика действительно делает человека человеком, вооружая его подлинно человеческим даром – владением речью, так как умение искусно говорить способствует созданию благ и само, в свою очередь, является благом.

Однако для Аристотеля риторика является ремеслом, и потому оно имеет свои особые приемы и методы убеждения. Он различает два основных способа убеждения: технические, с помощью которых из приводимых аргументов выводятся заключения, и нетехнические, представляющие собой посылки, которые используются в доказательных и правдоподобных рассуждениях. Что касается первого типа способов убеждения, то метод риторики, как способности убеждать, представляет собой некое доказательство, при этом логика у него является теоретической основой риторики.

Аристотель выделяет понятие риторического доказательства – энтимему, которая представляет собой сокращенный силлогизм, т.е. тип дедуктивного умозаключения и рассматривает её как самый важный способ и метод убеждения [2, 1535a]. Нетехнические способы, в свою очередь, могут состоять из различных фактов, данных, свидетельств, отражающих истинное состояние дел – сам Аристотель причисляет к ним законы, свидетельства очевидцев, письменные договоры, клятвы, и даже показания под пыткой.

При использовании одного из них, необходимо, чтобы они были непротиворечивы и справедливы. Так речь, насыщенная примерами, может быть не менее убедительна, чем опирающаяся на сухие сведения и факты, и в большей степени впечатлять слушателей. Хотя Аристотель настаивает на том, что использоваться должны оба способа убеждения, приоритетным для него являются технические, так как для убеждения требуется доказательство. Примеры же и факты выступают в качестве свидетельств и для убедительности и понятности ими лучше заканчивать речь. В этом случае они будут способствовать появлению доверия к оратору, его мыслям, идеям и к его выступлению.

В этом же контексте Аристотель рассуждает о диалектике. Он продолжает традицию использования диалектики в указанном выше смысле, подчеркивая значение поиска истинного знания, но при этом противопоставляет предметы рассуждения, казалось бы, несовместимые. В частности, *истинное* и *справедливое*. Он выдвигает новые требования правильного понимания и интерпретации – использовать доводы, которые позволили бы опровергнуть всякого, кто пытается «воспользоваться доказательствами, противными справедливости» [2, 1535a 30].

Например, выбирая способ убеждения необходимо также учитывать временной фактор. Так, когда

дело касается уже произошедших событий, то уместно использование энтимем, которые указывают на причины и через которые выводятся доказательства. Если же предмет речи представляет собой неоспоримый свершившийся факт, то более всего подходят метафоры и преувеличения, для придания красоты и создания желаемой реакции публики. При обсуждении же проблем, которые могут иметь место в будущем, например, при совещании, подходящим будет привлечение разнообразных примеров, на основании которых можно делать предположения об уже прошедших событиях.

Тем самым Аристотель идет дальше своих предшественников, определяя предмет и диалектики, и риторики, и рассматривает их не просто как искусство убеждать, но предлагает нам «в каждом конкретном случае находить существующие способы убеждения» [2, 1355b]. Таким образом, убедительность речи основывается на истинности (или хотя бы на правдоподобности) аргументов, и, исходя из конкретных методов рассуждения, применяем такие аргументы, на основании которых (т.е. исходя из аргументов) выводятся заключения.

Используя понятие истины, Аристотель соотносит истинно убедительное с мнимо убедительным и выдвигает требования различать такого рода знание и убеждения. Так он оставляет за риторикой способность, *искусство находить способы убеждения*, относительно *любого* предмета, и главная ее задача – поиск того, что может быть убедительным для всех людей, каковы они есть (т.е. кем бы они ни были). Это – указание на инвариантный характер способов убеждения и, одновременно, намек на возможность участия социально-политических и иных уловок!

Таким образом, можно сказать, что риторика Аристотеля имеет дело со способами доказательства

возможного и правдоподобного знания. В то же время, такая способность является результатом использования методов, которые необходимо найти.

Он выделяет три способа убеждения, посредством речи: первый из них, исходит из психотипа личности говорящего; второй способ быть убедительным – использовать настроение слушателей; третий мы можем назвать *когнитивным*, исходящим из способности говорящего владеть собственным языком и мышлением, независимо от характера убедительности, независимо от того, является ли речь истинной или мнимой. Сюда относится, в частности, мнение, что убеждать можно не только с помощью использования доказательств в своей речи, но также и с помощью, так называемого этического способа, – который исходит из веры в честность, искренность и надежность и компетентность самого оратора, что обеспечивает восприятие убедительности его речи.

Объяснить такое положение дело можно тем, что через нравственные качества обнаруживаются (раскрываются) истинные намерения выступающего, а намерение, в свою очередь, имеет отношение к цели. Так как целью любой речи является (или может быть) получение какого-то решения, то и строиться она должна на способствующих доказательности доводах – способствующих тому, чтобы речь была убедительна, понятна и внушала доверие.

Второй способ убедительности связан с тем, что обращает внимание на такой важный и необходимый компонент, каковым является аудитория, поскольку часто случается, что именно от её реакции зависит убедительность речи. Поэтому оратор должен уметь использовать эмоциональную природу людей или, как говорит Аристотель, страсти – для достижения желаемого результата.

Страсти оказывают решающее влияние на появление доверия людей; от них же зависит и принятие решений по различным вопросам; чувство удовольствия или неудовольствия, которые выражаются, главным образом, через страх, смелость, стыд, сострадание, негодование, зависть и т.п.

Для того чтобы речь была понятной и достигла своей цели, задача оратора состоит в том, чтобы выбирая необходимые способы и методы убеждения воздействовать у слушателей необходимые страсти, что повлечет за собой желаемое решение. Что касается третьего способа убеждения посредством речи, то он связан со стилем выступления, который является его технической стороной. Чтобы речь произвела должное впечатление, стиль речи и язык должен быть ясным, состоять из оборотов всеобщего, обыденного смысла; речь должна соответствовать истинному положению вещей, о которых идет речь, язык должен включать метафоры, эпитеты и отступления. При этом, конечно же, речь должна быть грамотно составлена, а стиль быть умеренным и не создавать ощущения искусственности речи.

Итак, Аристотель считал, что риторическое образование необходимо любому человеку: ведь «если позорно не быть в состоянии помочь себе своим телом, то не может не быть позорным бессилие помочь себе словом, так как пользование словом более свойственно человеческой природе, чем пользование телом» [2].

В его теории ораторского искусства нашли отражение все основные принципы, на которых основывается доказательность и убедительность, эмоционально-психологическая и стилистическая сторона искусства красноречия, что, в совокупности, составило основу классической системы риторики.

Итак, риторика имеет не только свою историю, но и развивается. Более того, сегодня мы вправе утвер-

ждать, что риторика эволюционирует, и эволюционирует в сторону методологии. Но как теория, имеющая столь обширное проблемное поле, охватывая практически все области человеческой жизни, она неизбежно порождает проблемы философского характера, и к числу таких философских проблем следует отнести проблему интерпретации. Кроме того, важно напомнить, что именно методологический аспект сближает обе дисциплины, поскольку их общая цель – это понимание. Для философской герменевтики понимание – проблема когнитивная, фундаментальная по сути. Для риторики – это проблема коммуникативная. Что касается теории интерпретации, то нашей задачей было указать на определенные исторические, культурные, философские и даже на практические связи между техникой ораторского мастерства и техникой как методологией понимания. Сближение сфер исследования, как я намеревалась показать, дает нам здоровую долю оптимизма в поиске параллелей и альтернатив рассуждения. Напомню только, что любой текст – прочитанный или услышанный – требует адекватного понимания, но иногда и дополнительных усилий для наилучшего понимания смысла текста. Именно в этом случае особую актуальность приобретает методология понимания, соотнесенная с теорией интерпретации как направленной на задачу прояснения неясных мест, скрытых смыслов или подтекста.

Список литературы:

1. Платон. Федр / Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990-1994.
2. Платон. Горгий / Платон. Собрание сочинений: В 4 т. М., 1990-1994.

3. *Аристотель. Риторика* / Аристотель. Риторика (перевод О.П. Цыбенко). М.: «Лабиринт», 2011.
4. *Шульга Е.Н. Понимание и интерпретация*. М.: Наука, 2008 – 318с.
5. *Шульга Е.Н. Эволюция методов философской герменевтики*. LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011.
6. *Шульга Е.Н. Нуждается ли «теория аргументации в философском обосновании»? // Модели рассуждения – 4: Аргументация и риторика. Сборник научных статей под общей редакцией В.Н. Брюшинкина. – Калининград: Изд-во БФУ им. И.Канта, 2011. С.137-146.*

Об авторе

Пилюгина Маргарита Алексеевна – аспирантка Государственного Академического Университета Гуманитарных Наук (ГАУГН), сотрудник кафедры истории и философии науки Института философии РАН, infinitatis@gmail.com.

About author

Margarita A. Piljugina, post-graduate student of State Academic University for the Humanities (GAUGN), assistant of the department of the History and Philosophy of Science of Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, infinitatis@gmail.com.